

C-568 - T-1.

2058

112994

112994

V.N. Karazin Kharkiv National University

00763536

2

Sigman.

СОВРЕМЕННАЯ
ТАТАРСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Г И Х Л
1933

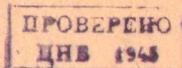
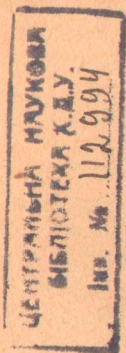
С-568
-ТЛ

СОВРЕМЕННАЯ
ТАТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

СБОРНИК

РЕДАКЦИЯ
М. ДЖАЛИЛЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ
МУСЫ ДЖАЛИЛЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1933 ЛЕНИНГРАД

мур

Ответственный редактор О. Жемчужина
Технический редактор Н. И. Гарвей

Уполномоч. Главлита № Б-27529

ОГИЗ X—60 № 136. Тираж 5000

Формат бумаги 82×111 $\frac{1}{32}$

2 $\frac{1}{4}$ б. л. 160 000 знак.

Сд. в наб. 16/XII 1932

Подп. к печ. 18/III 1933

Заказ № 6418

9 печ. л.

Обложка М. А. Ильина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Печатаемый сборник содержит произведения наиболее выдающихся представителей послеоктябрьской татарской советской литературы. Многие из них вышли на литературную арену только в годы пролетарской революции и гражданской войны, а большая часть—в период реконструкции народного хозяйства, в период перехода к непосредственному строительству в стране.

Возникновение и развитие этой литературы шло в условиях обостренной классовой борьбы против стремления представителей буржуазно-националистической литературы завоевать идеологическое господство.

Предоктябрьская татарская литература в основном была проникнута узким национализмом. Она проповедывала идеи пантюркизма, старалась затушевать классовую борьбу пролетариата против буржуазии и заменить ее национальной рознью, национальной войной против других народов, главным образом против русских («Зулейха» Р. Исхакова, «Фаткулла хазрат» Ф. Амирхана, «Истамбул мактупляры» Ф. Каримова). Эта литература главным образом служила интересам татарской промышленной и торговой буржуазии.

Но представители буржуазной литературы не могли не видеть расшатывания основ гниющего капитализма. Предчувствие неизбежного краха своего класса определило идейное содержание и творческие направления дооктябрьской буржуазной литературы. Эта литература в большей своей части была проникнута упадочническими настроениями. Она отрицала реальную действительность, стремилась отойти от нее в иной, нереальный мир. Писатели и поэты предоктябрьского периода в тематике очень часто обращались к народным сказкам, легендам, древней истории, мифологии и т. д. (Ф. Бурнаш, Г. Тукай и др.).

Представители буржуазной татарской националистической литературы враждебно встретили Октябрьскую победу пролетариата. Некоторые из них, как Г. Исхаков, активно выступали против советской власти в рядах белогвардейщины, эмигрировали за границу. Г. Исхаков перед Октябрьской революцией написал пьесу под названием «Зулейха» (имя девушки), которая насквозь была проникнута идеей развития национальной вражды у татарского читателя против русских.

Другая часть татарских буржуазных писателей, оставшаяся в пределах Советского союза, перестала писать и отвечала наступлению новой великой революционной эпохи молчанием и отказом от литературного творчества (Ф. Амирхан, Г. Рахим, С. Рамеев и др.).

В это время рабочий класс и трудящееся крестьянство выдвинули из своей среды новых, молодых писателей, которые призывали на борьбу против врагов советской власти. Большинство этих писателей были участниками гражданской войны или работниками в той или иной отрасли советского строительства. Их первые произведения были художественно еще слабы. Но в них чувствовалась уверенность в силе и победе своего класса, неизмеримая ненависть к эксплуататорам, искренность и преданность делу рабочего класса, и потому они сыграли в свое время большую мобилизующую роль.

Но и эти писатели не были вполне свободными от влияния мелкобуржуазной стихии.

Общая отвлеченность, увлечение идеями освобождения всего человечества, идеализация свободы вообще, романтизм имели место в первых произведениях этих писателей. Так, Кави Наджи еще в 1923—1924 гг. проповедывал идеи имажинизма, Тулумбайский защищал «сулофцев» (футуристов), М. Максуд переживал сильное влияние мелкобуржуазного романтизма в своих талантливо написанных стихотворениях в прозе.

С укреплением советского государства, с переходом к периоду мирного строительства на основе нэпа, с культурно-хозяйственным ростом национальных республик и областей число вновь выдвигающихся молодых советских писателей возрастало.

Ленинская национальная политика нашей партии, взявшая курс на самоопределение наций со дня организации и укрепления советской власти, дала возможность татарской советской литературе быстро развиваться.

Именно в эти годы мы видим впервые в истории татарской литературы небывалое оживление в литературной среде, охват

литературным движением широчайших масс низов, рост творчества писателей в ширь и глубину, активизацию писателей, увеличение писательских кадров.

Именно в эти годы (1923—1924) возникли массовые творческие коллективы, литорганизации, кружки (коллект. «Октябрь», «Сулф», литкружки при учебных заведениях и т. п.). В эти годы возникли новые литературные течения и направления с определенными творческими установками.

Широко были распространены литературные диспуты, творческие дискуссии и т. п. (диспут о футуризме, разбор творчества Х. Такташа, Ф. Бурнаша и др.).

С приходом к нэпу представители различных слоев мелкой буржуазии оживились и приспособились к условиям советской действительности.

Один из виднейших представителей городской мелкобуржуазной интеллигенции, выдающийся татарский писатель Хады Такташ в эти годы написал трагедию «Сыновья земли» и выпустил сборник стихов со своей творческой декларацией «О собственном творчестве», где он открыто проповедывал теорию «чистого эстетизма и формализма», «левацки» отрицая литературное наследство прошлого.

Поэт Такташ использовал в трагедии известный в истории мировой литературы сюжет легенды об Адаме и Еве, о Каине и Мефистофеле, желая выразить свое отношение к революции, к вопросу об освобождении человечества от гнета религии. Но здесь он исходил целиком из позиций идеализма, поэтому его решение вопросов освобождения человечества от векового гнета, от рабства религиозных пут не имело ничего общего с пролетарской революцией.

Такташ, встретив довольно резкую критику своих произведений, скоро отходит от ошибочных творческих позиций, и уже в 1925—1926 гг. появляются в печати его новые произведения, принципиально отличные от трагедии «Сыновья земли». Но все же и в этот период Такташ еще далек от пролетарской социалистической литературы. И только с 1930—1931 гг. он делает решительные шаги в сторону пролетариата и прочно становится на позиции советской социалистической литературы. Переход его характеризовался последними наиболее крупными произведениями «Камиль» (пьеса из жизни шахтеров), «Письма к будущему» и др.

Этот путь к позициям социалистической литературы является общим для большинства мелкобуржуазных татарских писателей

нашего времени. Путь Такташа, крупнейшего поэта, только наиболее рельефен, почему мы и остановились на нем более подробно.

Но некоторые из мелкобуржуазных писателей заняли враждебную позицию по отношению к советской власти.

Ф. Бурнаш, являясь одним из представителей мелкобуржуазной романтической литературной школы, в своем творчестве объективно отражал идеологию контрреволюционной султангалеевщины.

Творчество талантливого представителя мелкобуржуазной романтической школы поэта Н. Исанбета тоже было направлено против великих побед пролетариата.

Но сейчас оба эти писателя искренно стремятся перестроиться, перейти на сторону советской социалистической литературы.

Надо отметить и незначительную в нашей литературе фигуру поэта Г. Кутуя, который проповедывал идею футуризма и стоял во главе группы «Сулф» (Леф). Группа эта была бессильной, нежизненной, она представляла неудачное подражание Лефу. Основные установки группы выражались в отрицании литературного наследия, необходимости учебы у классиков.

Г. Кутуй впоследствии оказался идеологом и организатором антисоветской литературной организации «Джидиган».

Молодая татарская советская литература росла и крепла в борьбе с враждебными литературными течениями и их представителями и в дружной работе с писателями, искренно желающими перейти на сторону пролетариата.

Путь татарской пролетарской литературы—это путь борьбы за чистоту большевистской идеологии и за соответствие формы и революционного содержания в литературе. Этот путь шел от мелкобуржуазного, далекого от нашей реальной действительности романтизма, от идеализма—к социалистическому реализму, к материализму.

Ленинская национальная политика партии дала наглядные результаты в социалистической стройке наших союзных республик и автономных областей. Географическое размещение промышленности в первой пятилетке совершенно перекроило лицо ряда районов. Республики и области, которые почти не знали индустриальных предприятий, ныне воочию увидели стройку социализма и включились в нее. Это и привело к значительному росту национального пролетариата, который, конечно, не мог

не войти во все ткани государственного организма и социалистической культуры.

Поворот к рабочей тематике, к тематике классовой борьбы во всем разнообразии ее форм отчетливо виден в творчестве молодых пролетарских писателей.

Несмотря на различие в творческих методах этих писателей—Кави Наджми, Ш. Усманов, Ильясова, Тулумбайского, М. Максуда, Шагретдинова, М. Амира, И. Газы, поэтов Туфана, Тляша, М. Крымова, Ф. Карима, А. Файзи, А. Ерикеева, А. Турея, Баталла и других,—общим для них является стремление к реалистическому изображению явлений мира, к созданию живых, реальных образов, представляющих нашу эпоху великого социалистического строительства. Поэтому их стиль можно условно взять как единый литературный стиль татарской пролетарской социалистической литературы.

Кави Наджми является одним из наиболее выдающихся прозаиков. Он написал ряд крупных рассказов и повестей из эпохи гражданской войны: «Шубага» («Жребий»), «Инг сунгесе» («Самое последнее»), «Яр буйнда учаклар» («Прибрежные костры») и др. В этих рассказах К. Наджми дает образы героев гражданской войны на фоне трудностей первого периода укрепления пролетарской литературы в нашей стране. При разрешении этой задачи он исходил из позиции реалистического показа противоречий, и поэтому его образы получились полнокровными, жизненными, в то время как романтик-идеалист Ф. Бурнаш показал того же «красного героя» в легендарно-сказочной обстановке. —

Ш. Усманов большинство своих пьес и рассказов посвятил также эпизодам гражданской войны. В рассказе «Иль кзы» («Дочь страны») он дает образ девушки нового класса, призванного разрушить старый и создать новый мир, наравне с мужчинами героически борющейся на фронте гражданской войны. Этой проблеме посвящены и другие мелкие рассказы. Но в них чувствуется некоторая идеализация образов героев и показ их в романтической окраске.

Ш. Усманов в первые годы своей творческой работы не был чужд националистическим настроениям, что особенно ярко выразилось в его пьесе «Кровавые дни», где проводилась идея борьбы прежде всего за свои национальные интересы.

В дальнейшем Ш. Усманов отходит от этой ошибочной установки, и его последние произведения говорят уже о его творческой перестройке.

Один из наиболее выдающихся поэтов Хасан Туфан пришел в татарскую советскую литературу зигзагообразным путем. На его творчестве первых лет сильно отразилось лефовское влияние. Большими недостатками страдали его теоретические работы о поэзии (чрезмерное увлечение формой и т. д.). Х. Туфан — замечательнейший лирик, наиболее одаренный мастер современной татарской поэзии — за последние годы сделал решительный поворот в своей творческой работе. Последние его произведения показывают, что поэт стремится внести лучшие образцы татарской поэзии в фонд социалистической литературы.

Период реконструкции народного хозяйства нашей страны способствовал оживлению и литературного движения, выдвинув новое поколение молодых писателей из среды рабочих и колхозников (М. Амир, И. Газы, Ф. Карим, Г. Тляшев, Ахм. Ерикеев, Ахм. Файзи, А. Турей, М. Сундукле, Мухаметшин и др.), отразивших в своих произведениях жизнь и быт Красной армии в период мирного строительства, социалистическую перестройку города и деревни. Заслугой молодых писателей надо считать то, что им удалось создать в нашей литературе собирательные образы людей, борцов за социализм.

Татарская поэзия особенно быстро развивалась в последние годы, когда она достигла многого в смысле новой формы и нового содержания.

Нельзя хоть кратко не остановиться на таких писателях, большая часть деятельности которых относилась к дореволюционному периоду и которые сделали немало для укрепления позиции советской пролетарской литературы после Октября. Это прежде всего крупнейший татарский писатель Г. Ибрагимов, Г. Камал, драматург-прозаик Ш. Камал, Ф. Сайфи и др.

Г. Ибрагимов представляет собой крупную фигуру в истории татарской литературы. Он написал до революции ряд романов, повестей и рассказов, преимущественно из жизни городской интеллигенции и татарской деревни. В своих произведениях он выражал настроения мелкобуржуазной интеллигенции в условиях обострения противоречий в капиталистической системе хозяйства. Деревню Ибрагимов рисовал в светлых красках. Он не видел остатков феодально-крепостнических начал в пореформенной деревне. Ибрагимов идеализировал деревню, замазывая огромнейшую дифференциацию и классовую борьбу внутри крестьянства, особенно сильно выявившиеся в эпоху первой революции и после нее. Он рисовал деревню как спокойную и тихую обитель («Дети природы»).

После Октября Ибрагимов написал роман (1-я часть большой трилогии) «Наши дни» из истории революции 1905 г., повесть об Октябрьской революции и гражданской войне «Красные цветы», повесть «Дочь степи», из кочевой жизни казаков, и роман «Глубокие корни». Последним произведением Г. Ибрагимов прочно стал на позиции пролетарского реализма.

Ш. Камал до революции написал прекрасную повесть из жизни татарских рабочих-сезонников «Акчарлаклар» («Чайки»). После революции Ш. Камал написал вторую часть книги—«На заре», ряд пьес—«Гнездо коршунов», «Огонь», «Горы», и рассказы, где преимущественно отражал жизнь и работу рабочих-татар.

Ф. Сайфи в первый период революции был известен своими мелкими рассказами из жизни дореволюционных рабочих-сезонников татар, а за последние годы он написал большой роман «Три сосны» о совхозном строительстве Татарии.

Из дореволюционных писателей, пришедших в нашу литературу, надо отметить также прозаика М. Гаяу, который известен русскому читателю романом «Муть». М. Гаяу до Октябрьской революции был одним из представителей либерально буржуазной печати. К революции он отнесся лояльно, но оставался в стороне от литературного движения вплоть до периода восстановления советского народного хозяйства.

С 1923 года он начинает писать свои мелкие повести и рассказы, в которых показывает жизнь татарского духовенства, богачей и городского мещанства до революции. Гаяу в этих рассказах еще не разоблачал подлинную классовую сущность татарской буржуазии в период пролетарской революции. Но сейчас, написав новый роман о совхозном строительстве, М. Гаяу показал свое искреннее стремление стать на платформу социалистической литературы.

Постановление ЦК ВКП(б) о перестройке литературных организаций сыграло исключительную роль в творческом оживлении татарских советских писателей.

Это историческое решение поставило вопрос о творческой работе в центр внимания будущего единого союза советских писателей. Оно призывало советских писателей еще к более широкому и глубокому показу успехов нашего великого социалистического строительства, дав новую творческую зарядку лучшим представителям советской литературы.

На решение ЦК татарские писатели отвечают серьезной, углубленной творческой работой. Кави Наджми написал большую

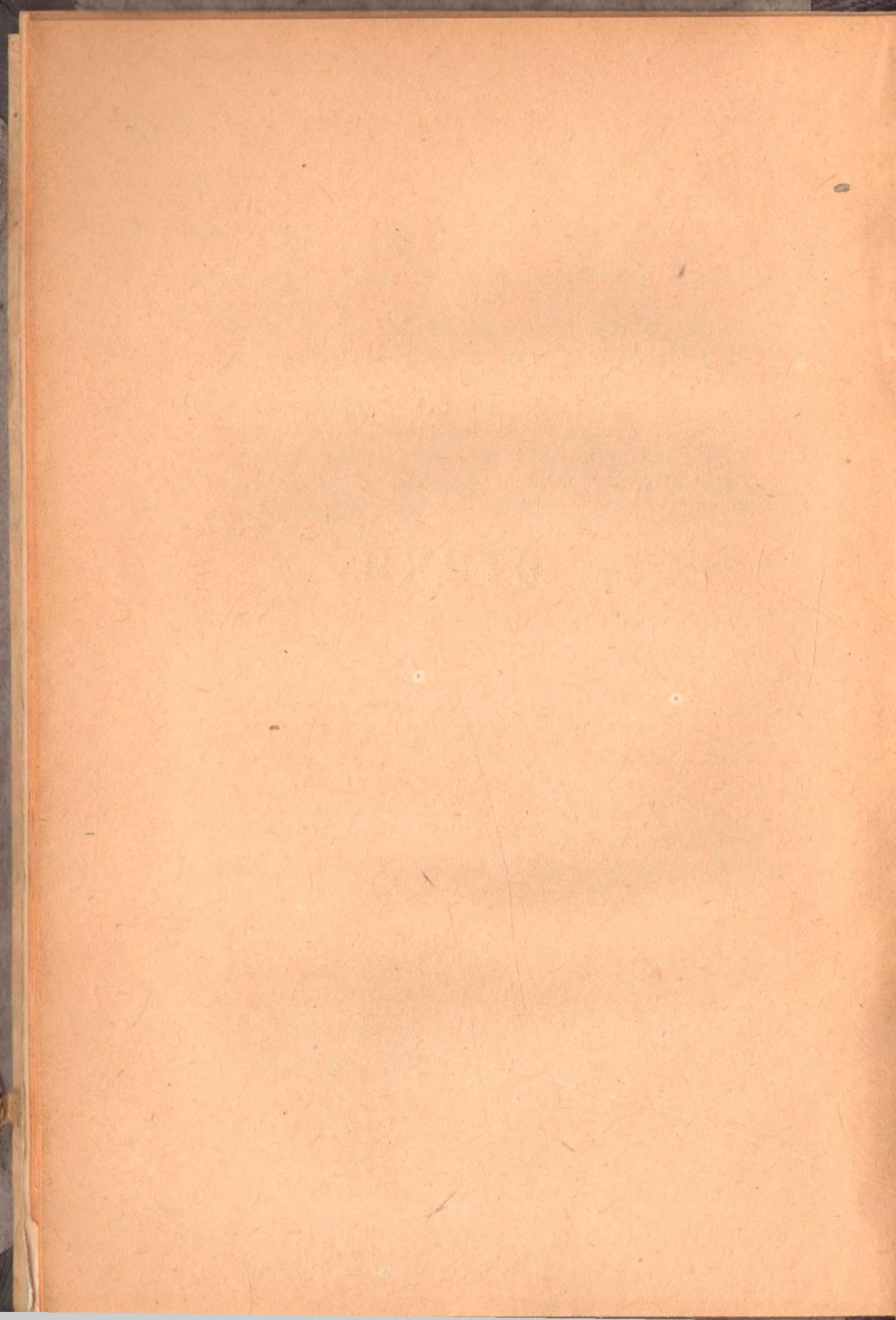
повесть «Гарнизон», М. Амир—роман «Командир», А. Турей—роман в стихах «Победа», Ахм. Ерикеев—стихи о Казакстане и поэму «Последние годы», Х. Туфан—книгу стихов, М. Галю—романы «Коблсай» и «Бунт», А. Файзи—поэму «Флейты», Г. Ибрагимов—вторую часть своей трилогии, новые драматические произведения К. Тенчурина и Г. Камала,—это еще далеко не полный перечень татарской социалистической литературы за последнее время.

Широкое развитие социалистической литературы на татарском языке, количественный и качественный рост писателей и читательской массы является неоспоримым фактом торжества ленинской национальной политики.

Писатели этих национальностей Советского союза, различных творческих направлений, но объединенные общим стремлением участвовать в великой социалистической стройке силой своего мастерства, создали единый фронт, противостоящий капиталистическому миру.

Муса Джалиль

СТИХИ

С. БАТТАЛ

НА ПОСТУ

Я проверил печать и тяжелый грудастый замок,
Я проверил винтовку и стал по уставу на пост.
Звук шагов часового, смененного мною, замолк.
Ночь темна и глуха. И ни зги. Ни луны и ни звезд.
Я стою на посту. Глаз мой—зорок, и слух мой—остер.
И коварную дрему гоною я решительно прочь.
Уже руки простерла заря—разобрать этот черный шатер,
Но тяжелую тучу в заслон себе двинула ночь.
Я стою на посту. В сердце—бодрость, и ясность—в мозгу.
И ни звука, ни шороха. Скоро сменяться мне срок.
Что-то ветер мне шепчет, а что—уловить не могу,
Только мне подозрителен тот ветряной говорок.
Ветер, ветер, о чем бы ты мне ни болтал,
Я тебе не поверю,—не так я доверчив и прост.
Может быть, я забуду, что я называюсь Баттал,
Но никак не забыть мне, что я отвечаю за пост.

АЮП ГАРЕЙ

ПЕСНЬ МОРЯ

Широки, каменисты твои берега.
Ты песню дробишь,
Ударяя волною о берег.
Порою твоя водяная пустыня строга,
Порой отдыхаешь и перебираешь года,
Что мимо проносятся в яростном беге.
Ты песню мне спой, голубая пыль,
Ведь я тебя вижу впервые.

Ты ль это, Черное море,
Ты ль?
А волны спешат на просторе,
Зыбкие и живые.
Порой, погруженное в дрожь,
Беснующееся в зигзагах молний,
Ты храбро поешь,
И тебе аккомпанируют волны.
Твои волны, искристые и лучистые,—
Замечательные артисты.
Кто с тобой познакомится,
Тоску по тебе хранит.
Море, все мы тебя превозносим.
Кто не видел тебя, тот спешит
Увидать твоих вод беспокойную просинь.
Я пришел,
Море Черное... голубое...
Как любимому, песнь я творю,
Озирая бескрайность твою,
Ослепленный твоей красотой.
Даже здесь, на вершине,
С обрыва крутого
Берега я не вижу другого.
Беспорядочных дум бредовых
Нить повисла на волнах твоих.
...От кровавой борьбы следов не осталось
На длинном и тяжком пути.
Борьба бушевала, металась, мчалась,
Чтоб победить и в наших сердцах расцвести.
Море словно и нынче поет предо мной,
Воспевает тяжелый путь.
Море, пой,
Разливаясь шумливою синевою,
О желаньи, стесняющем грудь!
Отсюда дороги идут, как лучи.
Прохожу, вспоминаю—там
Стрелял «таманчи»,
Припадая к камням.
Тополь тянется стройным стволом
К небесам,
Смотрит, будто шурша о былом,
Обращается к нам.

Расскажи нам свои воспоминанья,
Тополь, мы внимаем тебе.
Мы будем слушать, затаив дыханье,
О славной, великой борьбе.
Может быть, в твоей тени отдыхал
Герой Тамани, уставший от боя,
Может быть, он воздух губами хватал,
Умирая под гул прибоя...
Взгляни на берег, красавец-тополь,—
Как брызги летят...
Послушай волн гремящий ропот—
Вперед, назад...
В каждом мерном ударе
Мне слышится гневный зов.
Море делает эти маневры не даром.
Знаю, море, мы кинемся с жаром
На последних врагов.
Если здесь, на твоих берегах, голубое,
Враг покажется снова,
Я даю тебе слово простое —
Мы придем с нашим классовым гневом
И с классовой мощью суровой.

МУСА ДЖАЛИЛЬ

ЗЕЙНАБ

Что могло произойти со мною?
Я работать в этот день не мог,
И задание по станку дневное
Я сегодня не закончил в срок.
Словно сонный, нерадивый кучер,
Плохо правлю я станком-конем:
Я гоню его по рвам и кручам;
Он устал,

а я—забыл о нем.

Вижу солнце и весну в окно я.
Капли в щели щелкают...

И вот

(Наяву ли, в снах ли?)

предо мною

Образ тонкой девушки встает.

Первый раз за сотни дней,

за годы—

Я в труде и нерадив, и слаб:

Все вниманье,

всю мою заботу

В этот день отдал я не заводу,

А лукавой молодой Зейнаб.

По гудку мы выходили молча,

Замолкали по цехам станки.

Вдруг в глаза мне прямо

челюсть волчью

Скалит цифра с цеховой доски.

Я—ударник.

И сто двадцать в день я

Выполнял сверх плана...

Как же вдруг,

Покачнувшись, график выполненья

Спрыгнул до восьмидесяти двух?

Синь и золото лучатся с неба,

Разливая радость горячо.

И капель строчит узор на снеге

Под весенним молодым лучом.

У меня лишь на сердце уныло,

Не идут мне на язык слова.

И к Зейнаб и в цех итти нет силы

С черной цифрой 82.

Наливая теплотою дали,

Льды ломая, движется весна.

Как веснушки, пятнышки проталин

По снегам рассыпала она.

И весною, в платице весеннем

Показалась мне Зейнаб сейчас,

Как ручей, весной взбурлен и вспенен,

Вся кипит она, стрелою мчась.

Словно ветер, мимо пролетела,

Лишь дыханьем гневным обожгла,

Не сказала, что сказать хотела,

Затаила, что сказать могла.

— Стой, Зейнаб!

На миг лишь задержалась.

— Эх, «ударник»!

В голосе был гнев.

А в глазах девичьих отражалась
Уж не дружба прежняя,
а жалость
Да презрение к слабому, ко мне.
И как ветер, залетевший в чашу,
Скрылась прочь Зейнаб.

Стою один.

Только слышу цех ее гудящий
Да стальные голоса машин.

Скоро петли снежных кружев станут
Распускаться, исчезать с полей.
Скоро, как зеленые фонтаны,
Брызнут в небо ветви тополей.
Хорошо дышать весной желанной,
Сладко будет в зелень рощ войти,—
Если в цехе выполнение плана
Доведем мы до ста двадцати.
Скоро солнце бронзой кожу выжжет,
Нас обняв ласкающим лучом.
Скоро мы с купальных легких вышек
В голубое озеро нырнем.
Если план осилим по заводу,
Как отрадно будет мне тогда
В мощные объятия природы
Кинуться ударником труда.
Но сегодня мой досуг мне горек.
Как я в цех или к Зейнаб приду?
Ведь доныне всем им

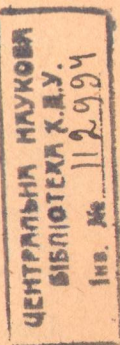
был я дорог,
Как ударник, преданный труду.
Для великой стройки

я в работу

Влил всю силу крепких мышц и жил,
Волю всю мою.

И оттого-то

Для Зейнаб,
ударницы завода,

Близок был я,
 дорог был
 и мил.

Если ж план на восемьдесят два я
Выполнял бы,—

 как меня тогда б
Полюбила пчелка цеховая—
Умная, прилежная Зейнаб?
Как я мог не понимать когда-то,
Что моя подруга от станков
И меня

 любила как солдата
Трудовых строительных полков!

Распуская петли снежных кружев,
Талый ветер
К нам летит с дождем.
Скоро, силу всех станков напружив,
Мощь свою в работе обнаружив,
Сто процентов

 мы перешагнем.
Мощь в себе я чувствую такую,
Бодрость так в крови моей поет,
Что, пожалуй, в этот день
 в цеху я
Через сто шагну и до двухсот.

В окна рвутся стрелы лучевые,
В зале гул от голосов плывет.
Ныне нас, ударников,

 впервые
Премирует, чествует завод.
«Цех досрочно выполнил задание,—
Вот с кого

 все брать пример должны.
Цехом
 сталинские указанья
В заводском труде применены.
Делом

 чести,
 славы
 и героинства

Стал для них в цеху
ударный труд.
Оттого по-большевистски, просто
В лоб они
все трудности берут:
Оттого они...»
Нас премируют.
Мой мандат—
«Сто двадцать»—
утвержден.

Новым человеком
в жизнь вторую
Я вхожу.
А старый—побежден.
А Зейнаб—не здесь,
а на Кавказе
В доме отдыха,
от нас вдали,
Но уже и до нее рассказы
Обо мне в короткий срок дошли.
Вот письмо:

«Тебя я поздравляю,
Ты сумел
борцом-джигитом¹ стать.

За борца мы
лишь того считаем,
Кто умеет в битвах побеждать.
Ты—шайтан².

И, говорю без лести,
Парень свой,
и я тебя люблю.
Но люблю лишь для того,
чтоб вместе
Бились мы за дело нашей чести,
За победу
в трудовом строю.

Я теперь сердиться перестала,
И сердилась только лишь любя,
Потому что мне обидно стало,

¹ Джигит — молодец.

² Шайтан — в данном случае чертенок.

Что ударник и хороший малый,
Сковырнувшись,
 потерял себя.
Но теперь,
 победу торжествуя,
Знаешь ты,
 тобой гордится цех.
И таким-то вот
 тебя люблю я,—
Бейся ж за победу трудовую.
Только победив,
 ты—человек».

АХМЕД ЕРИКЕЕВ

САБИРА

(Из казахстанских стихов)

Ты в мыслях моих, Сабир, царишь,
Я нежно твой образ в душе берегу;
Привольный синее внизу Иртыш,
Сбираешь ты таволги на берегу.
Так в памяти ты предо мной стоишь.

Как много я песен тебе припас
О том, как твой край хорош и широк,
Как синь речная радует глаз,
Как слух ласкает волны говорок.
Я лучшие песни тебе припас.

Люблю твой великий степной простор,
Бескрайнюю, вольную ширь твою.
Люблю я вершины Алтайских гор,—
Об этом я песни мои пою.
Люблю твои горы и твой простор.

Люблю я теплынь степных ночей,
Когда ветерок из полуденных стран
(Как девушка, сон безмятежен чей)
Дохнет над ширью твоей, Казакстан;
Когда, словно крупный алмазный пот,
В кудрях саксаула роса блеснет.

Казакская девушка, ай-джан¹ Сабира!
О многом тебе напомнит мой стих.
В саманной прохладе, на фоне ковра,
Немало я видел сверстниц твоих,
Но в сердце моем лишь одна из них—
Казакская девушка, ай-джан Сабира.

Ты видишь, ты слышишь, Сабира ай-джан?
Кивает тебе головами камыш,
Простер к тебе руки далекий Тянь-Шань,
И ластится, нежно журча, Иртыш.
Ты видишь, ты слышишь, Сабира ай-джан?

В твоей стране, дустым², в наши дни
Совхозы раскинулись там и тут.
Где зыбились раньше барханы одни,
Пшеница и хлопок теперь цветут—
В твоей стране, дустым, в наши дни.

В твоей стране, о джан, оглянись,—
Верблюдов не счесть и овец не счесть.
Рекой из колхозов течет кумыс—
Казачке-колхознице слава и честь!
Окинь же взором страну—и дивись!

Кишит обильно рыбой Зайсан,
Все кличет он рыбаков к себе.
Балхаш соляной Казакстану дан,
Балхаш призывает к труду и борьбе,
И рыбой обильно кишит Зайсан.

Как пестрый, расшитый цветами ковер,
Ковер необъятный—казакская степь.
Казак кочевой с незапамятных пор
Разматывал дней тут скрипучую цепь,
С аллахом ленивый ведя разговор.
Но новый, индустриальный узор
Преображает казакскую степь.

Казакскую степь всполошил паровоз,
Заводские трубы в степи встают;

¹ Джан — душа.

² Дустым — друг.

Все чаще, с жужжаньем гигантских стрекоз,
Над степью аэропланы плывут.
И мчится, пыхтя, по степи паровоз.

Ты видишь, ты слышишь? В стране твоей
Пески всколыхнулись, пески шумят,
Пески—до китайских бегут рубежей.
Но медью и золотом горы звенят,
Казакская девушка, в стране твоей!

Есть желтое золото в Алтайских горах,
Есть золото черное в Караганде.
Ты слышишь, джан, глубоко в рудниках
Джигиты и девушки поют о труде,
Об угле чумазом, о темной руде,
О золоте, затаенном в горах?

Я знаю, дустым-Сабира,—туда
Несутся уже и твои мечты.
О джан, ты сильна, весела, молода,—
И первой ударницей станешь ты:
Недаром ты так стремишься туда.

Ты—родом с Зайсана, я—вскормлен Москвой,
Но кровь одинаково в нас горяча.
Звенит наша воля тугой тетивой,
Мы к цели единой летим сообща,
Хоть ты—с Зайсана, я—вскормлен Москвой.

Возьми свою домру и спой, Сабира,—
Твой голос звучит звончей серебра,
Новую песнь, ай-джан, мне спой,
Иль вместе ее мы споем с тобой:

«Наших стремлений
Прекраснее ль есть?
В борьбе наше счастье
Дано нам обрести.
Труд—наше геройство
И доблесть,
И честь».

Возьми свою домру и спой, Сабира,
Спой новую песню, дустым, для меня.
Ты слышишь, в колхозных полях трактора
Поют эту песню, металлом звеня.
Возьми свою домру, душа-Сабира!

Твой взгляд, как иртышские воды, глубоки.
Дыханье твое—как холодный кумыс.
И звонок твой знойный степной голосок,
И строен твой стан, как прибрежный камыш.
А взгляд, как иртышские воды, глубоки.

Так пой же, и песней всю степь затопи,—
Турксиб эту песню далеко умчит.
И песня воспрявшей от спячки степи
В стихах у поэта потом прозвучит.
Так пой же, и песней всю степь затопи!

Бегут через степь и сияют огни
(Не байских светильников копоть и чад),
Но живы враги, притаились они,
И ядом грозит недобитый гад.
Бегут через степь и сияют огни.

Борьба—наш удел, Сабира-дустым,—
К врагам беспощадны должны мы быть.
Так будем бороться, и мы победим:
Нам счастье—в борьбе лишь дано добыть.
Борьба—наш удел, Сабира-дустым!

Возьми свою домру и спой, ай-джан,
О том, как твой край богат и велик,
О том, как советский воспрял Казакстан,
О том, как пустыня меняет лик.
Возьми свою домру и спой, ай-джан!

У синих задумчивых вод Иртыша
Я встретил тебя, Сабира-душа.
Срезала ты таволги цвет, Сабира,
Звенела ты смехом звончей серебра,
И как в этот час ты была хороша
У синих задумчивых вод Иртыша!

А нынче
простор ее потрясен,
и гладь ее
дымом заволокло.
Покрытая оспинами боев,
плацдармом гражданской войны прослав,
не снова ль ты
пушечный слышишь рев,
не снова ль ты
терпишь за взрывом взрыв?
Но спите спокойно,
кто был зарыт
пятнадцатилетье
тому назад:
не пушки вас будят,
не звон копыт,
а соревновательский труд бригад.
Сын класса,
воспитанного в борьбе,
и павший на подступах
к светлым дням,—
нет лучшего
памятника тебе,
чем стройки,
растущие там и сям!
Подследственной почве
чина допрос:
— А как высока ты?
а как низка?—
чертежник с треножником
в землю врос,
и ждет карандаш
у его виска.
Чертежник очками
блестит в упор,
и машет помощник
рукой вдали,
и протоколируется простор,
диктующий крестики и нули.
Крест-накрест опрошенный,
признан он

виновным—и в этом,
и в том,
и в сем,
и инженерами осужден
отдать нам подспудный
свой глинозем.

И приговор—в силе,
и, вздыбив гладь,
строительный щебень
желтит снега,
и люди плечами

толкают кладь,
порой непосильную для битюга.
Как туша медведя, лежит земля,
и мех ее—густ,
и подшерсток—дик,
и, тушу свежую и шевеля,
хлопочет охотник,
ловец,
мясник.

Ты нам не изменишь
теперь, успех!
Мы груди уверенностью прожгли,
и в легких,
объемом с кузнечный мех,
гудят ураганы
родной земли.

Что, кроме люцерны и сорняка,
ты раньше растил,
Татарстан-страна?

Прими ж из лукошка большевика
железобетонные семена!
Взойдут они

тысячами колес,
дадут громыхающий урожай.
Ты—первенец класса,
завод-колосс,
расти —

и колосья опережай!
Ты—вышка,
откуда уже видна,

сквозь дымку препятствий,
в огнях побед,
навекі внеклассовая страна,
ближайший по времени
наш сосед.
С американцами
начат спор.
Их кризис опутал,
как зверя—сеть,
они, как зеваки
через забор,
приходят
подолгу
на нас глазеть.
Ты нам не изменишь
теперь, успех!
Мы груди уверенностью прожгли,
и в легких,
объемом с кузнечный мех,
гудят ураганы
родной земли.

МАНСУР КРЫМОВ

ДОНБАССКИЕ НОЧИ

Там, на деревне
Ваша ночь
Так по-старушечьи
Мрачна.
Здесь — комсомолкою точь-в-точь —
В багряный плат
Наряжена она.

Там—робко по ночам у вас
Мигают звезды иногда.
Как заячий пугливый глаз,
У вас там—каждая звезда.

А здесь, хоть звезд
И вовсе нет,

Не тужим мы о том:
Их тушит буйных домен свет
Своим пылающим хвостом.

И день и ночь
Не спишь, Донбасс,—шумишь.
И ночь твоя—
Вечерних зорь багряней.
Куда ни глянь,—
Все трубы, трубы лишь
На пламенном, негаснущем экране.

Как скуден стал мне
Наших слов запас!
Все краски их
Тусклы мне стали очень.
Как расскажу,
Чем опишу,
Донбасс,
Всю красоту
Твоей багряной ночи?

Лишь ночь накинёт
Красный свой платок,
И в трудовой твой,
Твой немолчный грохот
Ворвется песен молодых поток,
Девичий смех,
Парней веселый хохот.

Одни оставят шахты и станки,
Чтоб напряженный труд сменить на отдых;
Другие же—лишь прокричат гудки,
Займут места на шахтах и заводах.

Кипит, бурлит
Расплавленный металл
В гигантских чревах
Раскаленных домен.
Тут—встал гигант,
Там—еще больший встал,
Мы—победители:

Нас мир
Веками ждал,—
И в новый мир
Гигантами войдем мы.

Руном багряным из печей
Клубится пламя, разгоняя мрак.
Пылайте, домны, горячей!
От зорь донбассовских ночей,
От этих пламенных лучей
Бежит, к гибели своей
Все больше, приближаясь, враг.

Ш. МАННУР

КРАСНОЕ ЗНАМЯ НА МИНАРЕТЕ

Я с детства был бездомен, нищ и бос,
Я сиротой в родном ауле рос.
Там ни зазнобушка и ни жена
Не ждет меня, разлукой сожжена.

И все-таки на быстрых крыльях лет,
Хоть у меня и никого там нет,
И ни двора, и ни кола,—всегда
Как сладко возвращаться мне туда.

К местам родным, к полям родным—тоски
Не заглушить до гробовой доски.
И этот мой возврат в родной Тулбай,
О сердце, полной чашею хлебай.

Что мне сиротство, что бездомность мне,
Что мне мечты о ласковой жене,
Коль так меня любовно и тепло
Встречает все родимое село?

Красноармеец, кончивший свой срок,—
И без родных я здесь не одинок.
Мой шлем влечет все взоры, и, как брат,
Тулбаец каждый мне душевно рад.

И новости летят наперебой.
Тулбай родной, что сделалось с тобой?
Ты тоже в грязь не ударял лицом,
Пока я там учился быть бойцом.

Совсем другие слышу я слова,—
От новостей кружится голова.
Уж ты и прах аллаха отряхнул,
Вчера благочестивый мой аул.

Вчера—собрание. Клуб набит битком.
Бурлили речи жгучим кипятком.
И новую мечеть—кто б мог гадать?—
Под школу было решено отдать.

А утром—праздник. Песни и гармонь,
И флагов красный, радостный огонь.
И полулуны на мечети—нет,
И красный флаг взлетел на минарет.

Играют им осенние ветра.
Я с вышки вниз кричу в толпу: «Ура!»
«Да здравствует,—кричит толпа в ответ,—
Мечеть без бога и ученья свет!»

И в радости, захлебываясь, я
Кричу опять: «Товарищи, друзья,
Обманывал нас магометов серп,
Но серп и молот—наш советский герб —

Вот щит тебе, бедняк и середняк,
А грамота—надежный твой маяк!
И с этой бывшей божьей каланчи
Не будут впредь гнусавить азанчи¹,

Но говорить и петь на весь Тулбай
Отсюда будет радиотруба:
Концерты и доклады из Москвы
Услышите отсюда скоро вы.

Ну, а пока—давайте сами петь.
Да здравствует безбожная мечеть!

¹ Азанчи—духовное лицо у мусульман, служащий при мечети, скликающий с минарета на молитву верующих.

И в злобе пусть задохнется кулак,
Над минаретом видя красный флаг!

Так веселей, Самик,
Настрой свою гармошку.
Идем мы напрямик,
Светла наша дорожка.

Пляши, родной аул,
Аллаха сбросив бремя.
Для кулаков и мулл
Пришло плохое время.

Пылай меж облаков,
Знамя советской школы!
Для мулл и кулаков
День нынче—невеселый.

Для кулаков и мулл
Колхоз и школа—петля.
Но нам, родной аул,
Сейчас о них скорбеть ли?

Теперь и нам пора
Создать колхоз, тулбайцы.
Получим трактора—
Покажем урожайцы!

У кулаков и мулл
Опору вышибая,
Прославь родной аул,
Трудящийся Тулбая.

ТАМБОВСКИЙ ПОЕЗД

Из рук живого выскользнув, цветы
Над горемычным прахом зацветут.
Живой иль мертвый,
Милый друг мой, ты
Найдешь всегда
В душе моей приют.

Железный путь
 через листву пролег.
Железный путь
 ее врасплох застиг.
Дубняк угрюм
 и нелюдим, и строг,
но эту глушь
 мы берем на миг...
У самых рельс
 береза спит—взгляни!
Она—сестра дорожных дум моих.
Она стоит,
 и к ней приник в тени
зеленый дуб, ее лесной жених.
Но, как ни тверд
 его ветвей охват,
как белый ствол
 он ни целуй врасос,
прошелестит он глухо—
 «виноват!»,
отпрянет он
 под грозный гул колес.
У самых рельс
 растут цветы—взгляни!
Железный путь
 дыханьем их пропах.
Дрожат, не спят,
 экспресса ждут они,
как будочники на своих постах.
Вся служба их—
 для двух, для трех минут:
мы пролетим—
 и вновь они уснут.

Как я люблю тебя,
язык цветов!
Я всей земле
готов сложить хвалу.
Я, как девчат, приревновать готов
стволы берез к дубовому стволу.
Стою, гляжу сквозь пыльное стекло,
трясущийся транзитный пассажир.
Ах, сколько их
в моей душе легло,
гремучих рельс,
избороздивших мир!
Ах, сколько я
бездольной голытьбы
на этих станциях перевидал,
рабов, бежавших
от своей судьбы,
от городских,
от сельских обедал!
Я знал, как врач,
биенье сердца их,
и, как судья,
по их душе бродил,
на белый лист,
на черный шрифт,
на стих
и их печаль, их плач переводил.
Я с ними рос,
я слышал в их углах
зубовный скрежет
и молитвы бред,
и понимал—их подведет аллах:
он двух грошей не даст им на обед.
О, как я рад, что нищеты родник,
родник неравенства уже иссяк,
что победил
и в первый класс проник
четвертым классом
ездивший босяк!
Стою, гляжу сквозь пыльное стекло,
трясущийся транзитный пассажир.

Ах, сколько их
 в моей душе легло,
гремучих лет,
 перекроивших мир!

Г. ТЛЯШ

БЕСЕДА

(Из поэмы «Семья»)

Печальная, ты смотришь
 на меня,
Девическую
 голову клоня.
Призывный взор твой
 в душу мне проник:
Так углекоп
 спускается в рудник,
Так он идет,
 киркою шевеля
Пласты залегшего
 кругом угля.
Там, видит он,
 конца работе нет—
Горячего
 там на полсотни лет.
И внемлю я
 подруге и жене,
Доверчиво
 склонившейся ко мне:

«На соловьев,
 любимый мой, взгляни,—
Как дружно выют
 свое гнездо они!
Любовь к птенцам
 скрепила их союз,
И легок им
 семьи бесценный груз.
В труде своем
 упорен садовод,—

Он холит цвет,
и цвет приносит плод.
Не так ли нам,
любимый, суждено
Растить семьи
прекрасное зерно,
Чтоб юный круг
достойных сыновей
Опорой стал
для старости твоей?
Кто не один,
тому неведом страх,—
Ты процветешь
в их родственных чертах.
Вглядясь в их лица,
счастья не тая,
Ты с гордостью промолвишь:
«Это—я»...—

«Дурманит кровь
извечный тот мотив,
Что ты поешь мне,
косы распустив.
О, женщина,
красавица моя!
Как ловок враг
под именем «семья»!
Он на путях
к сверкающему дню
Искусно расставляет
западно,
Но только нам,
подруга, не с руки
Вновь попадать
в незримые силки.
Недаром буря,
грянув, размела
Весь дым и чад
семейного котла.
Прогнил насквозь
и обречен на слом

Дом для двоих,
 глухой мещанский дом.
Для тех, кто рвется
 из его ярма,
Уже мы строим
 новые дома.
В них места нет
 для плесени и тьмы,
В них вместо «я»
 сверкает гордо «мы».
Тот не один,
 кто, закаляясь в борьбе,
Миллионы жизней
 воплотил в себе.
Тому, в чьем сердце
 радость бьет ключом,
Ни смерти страх,
 ни старость нипочем.
Товарищем
 по жизни и труду
Тебя я в мир
 широкий поведу.
В его поток
 вливаясь, не жалею
О старине,
 калечившей людей.
В рождающейся заново стране
Своих детей
 полюбим мы вдвойне!»

А. ТУРЕИ

«АЛЬБАТРОС»

Притаилась Нева у мостов,
нерадивой волной семенит,
ветер Балтики к бою готов
и скучает,
 шлифуя гранит.

Заглядевшись на яхты, на док,
на бродячую легкую снасть,

туча слушает мощный гудок
и дрожит,
 будто хочет упасть.

Руки грузчиков
 дергают кран,
кормят брюхо твое,
 «Альбатрос»!
Поплывет
 вдоль неведомых стран
этот гордо приподнятый нос.

«Альбатроса», быть может,
 не раз
ветры Балтики
 встретят в штыки,
эту палубу
 град-лоботряс
простучит от доски до доски...

Но пройдешь ты
сквозь ветер и гром,
сквозь бинокли
 враждебных держав,
над тугим альбатросским крылом
красный флаг высоко удержав!

ХАСАН ТУФАН

БИКТИМИР

Душой скорбя,
Тебя всегда я вспоминаю, Биктимир.
Да, Биктимир, поверь, я не забыл—
Ты был мой лучший друг,
И по тебе весьма грущу я и теперь.
Но больше от меня
Не жди письма.

А между тем
Я многим кое-чем

С тобою поделиться б мог в письме,
Как делятся хорошие друзья.
Но совесть говорит:
«Нельзя. Не следует писать ему».
Да и к чему?
Что мой тебе селям?
Какой в нем прок,
Какой тебе в нем смысл есть,
Коль сам прочесть его
Не сможешь ты?

Ах, Биктимир!
Ведь ты—батыр-джигит собой.
Не ты ль на сабан-туе¹, Биктимир,
За ловкость и за сметку был не раз
Почетным полотенцем награжден?
И разве не позор,
Что с этакой способной головой
Ты до сих пор влачишь
Неграмотности безобразный горб?

Сам-то ты наш,
Ипташ².
Но твой сосед—
Кулак-чужак.
А ты и день и ночь
В плену одной мечты:
Как сделать так,
Чтобы кулак-сосед
Дочь свою отдал замуж за тебя?
И кулака обхаживая там,
Ты сам себя все больше губишь, Биктимир.

Ильич сказал:
«Прочисть мозги, ипташ,—
Учись, учись,
Чтобы построить наш свободный, новый мир».
Широкий путь нам указал наш вождь.

¹ Сабан-туй—национальный праздник, во время которого проводятся спортивные состязания.

² Ипташ—говарищ.

и, как жухлые листья,
 куда-то повлек,
он сулил нам свободу,
 он нес и трепал
по гармонным теплушкам
 и клавишам шпал...

Не отцы и не деды, а вся страна
Учит нас не знаться с тоской.
Разве сердце—не та же зурна,
Что о счастье поет над рекой?

Залежавшись, как падаль,
 в окопной дыре,
мы забыли о нашей
 любвонной поре.
Ничего мы не знали
 нужней и верней,
чем пожатье
 товарищеских пятерней
перед тем, как бросаться
 на лагерь врага,
где свиданье нам
 смерть назначала, карга...
Ясный взор наш тогда
 к этой смерти привык
и от гнева стал острым,
 как сабля и штык.

Не отцы и не деды, а вся страна
Учит нас не знаться с тоской.
Тех, кого потеряла она,
Помяни и достойно воспой.

Той душе, что у многих
 мерзотно тонка,
той презренной душонке
 мы дали пинка;
мир кликуш и ханжей,
 что наживой набряк,
мы ошпарили правдой,
 как старый тюфяк;

долгим взглядом
его провожает верблюд,
и сохатый подальше
уводит лосих,
как послушную ленту
вагонов своих.
Но везде, где Турксибья
труба задымит,
наша радость взрывается,
как динамит.

Не отцы и не деды, а вся страна
Учит нас: «С тоской погоди!»
В ритме сердца—
галоп скакуна,
И не сердце, а песня—в груди.